

Исповедь без прощения

Автор:

Екатерина Островская

Исповедь без прощения

Екатерина Николаевна Островская

Татьяна Устинова рекомендует

Дашу Шеину завалили на защите диссертации и не взяли в институт истории, поэтому ей пришлось устроиться на скучную работу в управляющую компанию. Тридцать первого декабря директор Владислав Копатько потребовал подготовить срочный отчет и привезти в его загородный коттедж. Даша заподозрила неладное, но выхода у нее не было, и она отправилась к нему домой. Как она и ожидала, отчет оказался не нужен, Копатько начал приставать к Даше. Он был пьян, но ей удалось освободиться и сбежать, ударив шефа подсвечником. О его самочувствии Даша не беспокоилась, ведь она хрупкая девушка и удар не причинил начальнику особого вреда. Но на следующий день к Даше пришла полиция с шокирующим сообщением: Копатько убили и она последняя, кто видел его живым...

Екатерина Островская

Исповедь без прощения

© Островская Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Новый детектив Екатерины Островской «Исповедь без прощения» – весьма эклектичная книга. Это фантастичная, детективная и немного наивная история, призванная интриговать, водить за нос, увлекать нас, читателей, в то же время способна очень многое рассказать о самом авторе. А это безусловный признак честной литературы. Островская вновь проявляет недюжинный талант алхимика, виртуозно сплавляя между собой, казалось бы, несовместимые компоненты – реализм и фантастику, саспенс и комедию, молитву и фарс, – и получает в итоге, может быть, и не философский камень, но уж точно захватывающий детектив.

Татьяна Устинова

Глава 1

На корпоратив Даша Шеина решила не ходить. И не только потому, что не любила массовые застолья, но и так как хорошо знала, как проходят общие празднования в организации, где ей приходилось работать.

Ровно год назад такое же мероприятие завершилось скандалом. Мужчины передрались – не все, правда, но очень многие. Некоторые из них потом вернулись за общий стол с разбитыми лицами, разорванными рубашками, и каждый уверял, что пытался разнять дебоширов. Женщины тоже предъявляли друг к другу претензии, и хоть несколько дам при этом отчаянно матерились, до массовой женской драки дело не дошло.

Даша тогда решила улизнуть, но в коридоре ей повстречался тогдашний заместитель генерального директора Владислав Петрович Копатько, который попытался вернуть ее обратно в зал заседаний, где были накрыты столы, где выясняли отношения сотрудники, где стояла покосившаяся от разборок, сверкающая гирляндами пушистая ель и, уронив голову на край стола, спал пьяный Дед Мороз.

Владислав Петрович тоже был пьян, он пытался застегнуть молнию на ширинке, но, увидев молодую сотрудницу коммерческого отдела, бросил свое занятие и

схватил Дашу за руку.

– Ты куда? – закричал он. – Сейчас начнется самое интересное! Каждый член коллектива должен будет...

Он задумался, отвлекся на пробегающую мимо секретаршу генерального и сбился с мысли. Попытался ухватить и секретаршу, но Лиля увернулась. Даша попыталась вырвать руку, но ей не удалось. Уговаривать пьяного начальника было бесполезно, и пришлось вернуться за стол.

Но на ее месте уже сидел генеральный директор Кропачев, который обводил всех присутствующих пьяным взглядом и говорил, ни к кому не обращаясь:

– Вот так-то и узнаешь про людей все. Плохо, что редко мы устраиваем такие праздники. А то всех бы давно уволил к чертовой матери!

Владислав Петрович затащил Дашу во главу стола и усадил рядом с собой. Главный бухгалтер услужливо наполнила его бокал. И заместитель генерального поднялся. Все тут же стали наполнять свои бокалы, предполагая, что сейчас будет произнесен очередной тост.

– Я сейчас скажу самое важное, – предупредил Владислав Петрович.

Наступила пауза, и тут прозвучал голос спящего Деда Мороза, который, судя по всему, не спал, а, может быть, проснулся только что, в самый ответственный момент вспомнив, для чего он здесь.

– Ну-ка, елочка, зажгись, – заговорщически произнес он и захихикал.

Начальник производственного отдела Кротов ткнул Деда Мороза кулаком, и снова наступила тишина.

– Хочу предупредить всех, – продолжил Владислав Петрович, – нас очень скоро ждет реорганизация...

В этот момент в зал вернулась Лиля с окровавленным лицом. Кровь шла у нее носом, и потому секретарша вошла, закинув голову немного назад. Все сделали

вид, будто ничего не произошло: женщины проблемы не заметили, потому что Лиля была молода и красива, а мужчины очень внимательно слушали начальника.

Но тот, посмотрев на девушку, спросил:

– Что с тобой случилось?

– На крылечке поскользнулась, – объяснила Лилия, захлебываясь кровью. И заплакала.

– Помогите же ей! – приказал Владислав Петрович и залпом осушил свой бокал.

Все бросились помогать, так ничего и не узнав о реорганизации. Под шумок, в момент общего сопереживания, Даше, наконец, удалось ускользнуть.

Обещанной реорганизации не произошло, уволили только генерального директора. Коллективу, естественно, не объяснили – за что. Раз учредители так решили, значит, за дело. Да все и без того знали, что уволили шефа за финансовые злоупотребления. Хотя некоторые считали, что поводов для увольнения было много, а последней каплей стало то, что Кропачев во время застолья выходил на крыльцо офиса, чтобы справить малую нужду на морозе. Потом на том крыльце, поскользнувшись, упали несколько человек. Кто-то даже руку сломал. И пострадала секретарша Лилия. Так что Даше повезло, что ей удалось убежать с корпоратива без ущерба для здоровья. Кропачева, разумеется, все осуждали: ведь то, что все туалеты в какой-то момент оказались заняты, еще не повод мочиться на крыльце под гордой вывеской «Профсервис № 1».

Генерального сняли, отобрали недавно купленный им внедорожник «Гранд Чероки», а в кабинет Кропачева перебрался Владислав Петрович Копатько. После праздников за свою секретарскую стойку вернулась и Лилия. Нос у нее и в самом деле был сломан, но искусные врачи снова сделали ее личико аккуратным и привлекательным.

В том, что именно Владислав станет новым генеральным, никто и не сомневался: он был молод, инициативен, а главное – сын одного из учредителей «Профсервиса» – Петра Ивановича Копатько, который, помимо того что являлся известным бизнесменом, выполнял и другую ответственную работу на посту советника вице-губернатора.

Так получилось, что Владислав Петрович пришел работать в «Профсервис» за пару недель до Даши. Но именно он принимал новую сотрудницу на работу, задавал вопросы, такие как: почему, закончив аспирантуру, она не стала кандидатом наук, кто ее родители, много ли она пьет и как часто болеет, и интересовался семейным положением.

Ответы его, по всей видимости, удовлетворили, а потому Дашу взяли в штат. А ведь она не хотела работать в «Профсервисе» и уже во время собеседования несколько раз ловила себя на жгучем желании извиниться и уйти. Как будто предвидела что-то такое, что могло разрушить ее жизнь. Не ушла лишь потому, что ей нужна была работа, любая, что принесет деньги, и как можно скорее, на жизнь совсем не хватало. Закончив аспирантуру, Даша думала устроиться в Институт российской истории, где у нее имелись некоторые знакомства. Подала документы, но ей отказали без объяснения причин. То есть сказали, что специалисты ее профиля пока не требуются и вряд ли понадобятся в ближайшей перспективе. Пришлось обзванивать вузы, в которых были кафедры истории, но везде отвечали отказом. В конце лета она поняла бесперспективность своих попыток трудоустройства и отправилась в городское управление народного образования, точно зная, что учителя в школах требуются всегда. Ее приняли хорошо и даже удивились, что такая молоденькая девочка уже закончила аспирантуру, сказали, что преподавателей истории и в самом деле не хватает: есть даже школы, в которых историю по совместительству преподают учителя химии или физкультуры. Обещали помочь. Но начался сентябрь, а из отдела народного образования никто не звонил, и когда Даша приехала туда сама, то узнала, что вакансий нет. Судя по всему, учителя физкультуры без борьбы не хотели уступать свои места. Нашлась, правда, должность заведующей библиотекой в школе на другом конце города. Библиотекарша собиралась в декрет, но пока не спешила покидать мир книг и прекрасных мыслей. Даше предложили подождать, и она ждала, сколько могла, проходили недели, но ничего не менялось. Работы не было.

В «Профсервисе» Даша оказалась случайно. Обнаружила в своем почтовом ящике письмо, в котором требовали погашения задолженности по

коммунальным платежам и вызывали ее в офис управляющей компании. Пришлось идти, объясняться, упрашивать и обещать, но с ней разговаривали очень жестко, угрожая судом и выселением. Даша в подавленном состоянии вышла из конторы и увидела на ее дверях объявление, что управляющей компании «Профсервис» требуется специалист в коммерческий отдел. Она решила попытать удачу и позвонила. Ее пригласили на собеседование и направили к Владиславу Петровичу Копатько. С этого все и началось.

Какое-то время еще оставались надежды, что в управлении народного образования вспомнят о ней или, лучше всего, передумают в Институте российской истории... Каждый вечер, ложась в постель, Даша мечтала об этом, но мечты о прекрасном, как известно, самые лютые враги человека, который надеется чего-то достичь в реальной жизни.

Она делила рабочий кабинет с заместителем начальника коммерческого отдела Татьяной Валентиновной Прошкиной, которая, занимаясь делами, каждое свое действие предупреждала вслух: «...А теперь проверим арендаторов дома номер двести два по Московскому проспекту... Берем список арендаторов и начинаем проверять... Смотрим список и что мы видим...»

Привыкнуть к такому стилю было невозможно, спасало только то, что Прошкина работала не каждый день. Конечно, она ежедневно приходила в свой кабинет, разговаривала по телефону, включала компьютер, раскладывала пасьянсы... Но в документацию заглядывала не так часто. К Даше она относилась как к подчиненной, которую не в чем упрекнуть, хотя и очень хочется это сделать. Но еще больше Татьяне Валентиновне хотелось делиться с кем-нибудь своими мыслями и достижениями, а поскольку довериться большинству коллег она не могла, опасаясь сплетен и зависти, то делилась всем с Дашей, которой приходилось внимательно выслушивать все перипетии отношений Прошкиной с мужем и любовником. Муж, как водится, был полным ничтожеством, а любовник – настоящим мачо, родом с Украины. Звали любовника Степан Кравчук, он был уроженцем Харьковской области, работал в «Профсервисе» бригадиром сантехников и заходил иногда к Татьяне Валентиновне, чтобы перезанять немного денег. Степану было двадцать семь, то есть на четырнадцать лет меньше, чем любовнице.

Как к заместителю начальника коммерческого отдела, к Прошкиной приходили арендаторы: армяне-сапожники, азербайджанцы – содержатели подвальных кафе, молодые женщины, арендующие ларьки для продажи цветов, приезжие из

Дагестана, крышующие туристические фирмы со штатом два человека, иногда китайцы и очень редко художники, у которых были мастерские под крышами жилых домов.

Почти всегда все эти люди приносили деньги. Поначалу Татьяна Валентиновна просила Дашу минут пять погулять в коридоре, а потом перестала стесняться и принимала деньги при ней.

– Это пеня, – объясняла она спокойно, делая ударение на последний слог, – неофициальная, разумеется. Официальную пеню им не выплатить сроду, а так все довольны. Ведь это начальство с меня требует.

Деньги складывались в небольшой сейф, стоящий под столом Татьяны Валентиновны, а кому эти деньги передавались, Дашу не волновало вовсе. Что, видимо, и отметила Прошкина, а потому к своей подчиненной относилась почти доверительно. А вот секретаршу Лилию ненавидела. Причина этой ненависти была понятна: Татьяна Валентиновна боялась, что секретаршей заинтересуется Степан Кравчук. А потому рассказывала своему любовнику про Лилию всякие гадости.

Однажды Лилия заглянула в их кабинетик и попросила Дашу помочь: пожаловалась, что ее компьютер стал вдруг печатать одними лишь заглавными буквами. Бедная Лилия только училась пользоваться офисной техникой, иногда заходила к Даше и спрашивала ее совета, когда, например, обезумевший принтер выдавал не одну копию, а выстреливал великое множество со скоростью пулемета. Даша всегда молча помогала ей, а в этот раз не успела и слова сказать, как заместитель начальника коммерческого отдела всплеснула руками и закричала:

– Сломала! Лилия, ты сломала компьютер! А знаешь, сколько он стоит? Тебе за год не рассчитаться.

Лилия, у которой глаза всегда были на мокром месте, заплакала. А Даше пришлось мчаться выручать несчастную девушку.

Трудовая деятельность Прошкиной закончилась большими неприятностями. Однажды, придя на работу, она обнаружила исчезновение денег из своего сейфа. Удивилась сначала, начала допрашивать Дашу... Потом обратилась к

охраннику на входе, и тот вспомнил, что ранним утром забегал в офис только один человек – бригадир сантехников Кравчук. Татьяна Валентиновна не поверила сразу, размышляла долго, потом решила дозвониться до своего мачо... Но телефон того был отключен. А когда Степан все же отозвался на звонок, возмутился так громко, что услышала даже Даша:

– Ты в своем уме? Как ты могла такое подумать! После этого я не хочу тебя знать вовсе, старая проститутка!

Это был удар – намного более подлый, чем исчезновение трехсот сорока семи тысяч рублей. К тому же через полчаса вошла начальница коммерческого отдела Пожидаева и спросила:

– Сколько там накопилось?

Прошкиной пришлось объясняться. Дашу тоже допрашивали на предмет соучастия в преступлении. Допрашивали сам гендиректор Кропачев и его зам Владислав Копатько. Спрашивали мягко, словно заранее были уверены в ее невиновности.

Бригадира сантехников задержали у него дома в съемной комнате, которую ему предоставил «Профсервис». Степан готовился к отъезду и собирался выходить, когда его впихнули обратно и обыскали перегруженные сумки. В сумках нашли: два смесителя «Ниагара» итальянского производства, три кухонных смесителя, с десяток фильтров для тонкой очистки водопроводной воды и кое-что другое, хранившееся на складе «Профсервиса». Помимо всего прочего, обнаружили тепловизор для определения теплопотерь... Ну и деньги, разумеется, – почти четыреста тысяч.

Степана Кравчука привезли в офис, а всех сотрудников отпустили по домам, всех, кроме Прошкиной. А потом туда привезли еще и заведующую складом, которая призналась, что она любила красивого бригадира сантехников и иногда сожительствовала с ним на подконтрольной ей территории, а потому Степан имел возможность что-то вынести.

Вызвали полицию, оформили все как полагается, Степана увезли в отделение. Прошкину заставили написать заявление об уходе, а заведующую складом просто отправили на пенсию, потому что ей было пятьдесят шесть лет, а в этом

возрасте женщины должны думать не о любви на подконтрольной им территории, а о сохранности вверенного имущества.

Так Даша Шеина стала заместителем начальника коммерческого отдела. В кабинетике она осталась одна, на освободившуюся ставку никого не стали брать. Сейфик перенесли в кабинет начальницы отдела Пожидаевой, которой руководство доверяло больше. Пожидаева выглядела лет на сорок, была высокого роста, носила мужские куртки и выражение лица имела всегда суровое. С представителями Незалежной и сантехниками ее ничего не связывало, как и с прочими мужчинами. Ходили слухи, что в прошлом она работала инспектором по режиму в следственном изоляторе.

Глава 2

На праздничный корпоратив этого Нового года Даша идти вовсе не собиралась, хотя кто-то пустил слух, что там будут раздавать премии в конвертах. Причина для отказа была более чем основательная. Пару дней назад ее вызвал в свой кабинет генеральный директор Владислав Петрович и сообщил, что обещанная когда-то реорганизация все же состоится, специалисты уже подготовили свои предложения. Все решено, но необходимо изучить рентабельность работы каждого из отделов, в том числе и коммерческого. но поскольку Пожидаева вряд ли справится с таким ответственным поручением, то справку должна подготовить Шеина.

– Укажите общую сумму – оборот, так сказать, и обязательно динамику роста, – сказал Копатько, – выявите злостных неплательщиков, с которыми следует разорвать договоры аренды... Отметьте недочеты и по возможности опишите пути повышения эффективности. Укажите всех должников, суммы их долга и общую задолженность по всем объектам. Никого не жалеете, даже своих друзей-художников.

– Когда эти данные нужны?

Генеральный директор пожал плечами.

– Вчера, но для вас я сделаю исключение. Можете сдать отчет сразу после праздников. Успеете?

Даша кивнула: на самом деле все, что требуется, у нее уже было готово. Понятно, чтобы официально оформить, придется потратить какое-то время, но это несложно: сделать вводную часть, составить таблицы и графики, потом написать заключение – недели хватит. Так она и сказала генеральному.

– Ну, вот и хорошо, – кивнул Владислав Петрович, – на корпоратив не опаздывайте, а то я обижусь.

Она вышла из кабинета злая. Ведь Копатько не случайно вспомнил о художниках: вероятно, и до него дошли слухи. Наверняка постаралась бывшая начальница.

Это произошло прошлой весной. В кабинет заглянул плохо выбритый мужчина лет пятидесяти, сказал, что ему нужна Прошкина.

– Она вышла, – ответила Даша, не отрываясь от работы, – подождите в коридоре, Татьяна Валентиновна скоро вернется.

Посетитель шагнул назад, но остановился.

– Простите, девушка, – произнес он, – но у вас очень интересное лицо. Вы как будто сошли с работ Константина Сомова. Знаете такого художника?

– Знаю, – ответила Даша, – но не поклонница. Признаю в нем великолепного рисовальщика, только души в его полотнах нет. Портреты Блока или Рахманинова – портреты обычных людей – не гениев, а как будто случайных знакомых. Что же касается женских образов, то они излишне эротичны, но не чувственны, как у Валентина Серова.

– Ничего себе! – удивился посетитель. – Сделал комплимент, а получил такую лекцию! Что же вы, такая красивая, умная, образованная, делаете в этой клоаке?..

В этот момент открылась дверь, и вошла Прошкина.

– Не выражайтесь здесь! – потребовала она и спросила: – Пеню принесли? Ведь вы Шурихин, если не ошибаюсь? И у вас долг по аренде.

– Я Скуратов, – поправил мужчина, – и я не по поводу пени. Я вообще не арендатор. Мастерская в моей собственности. Хочу выяснить, почему мне начисляются такие огромные коммунальные платежи. Семья соседей из пяти человек платит в месяц в четыре раза меньше, чем я один.

– Потому что мусорят меньше! Что тут непонятного? У вас какой долг?

Художник замялся.

– В том-то все и дело, что больше ста тысяч рублей.

– Ничего себе! – всплеснула руками Прошкина и посмотрела на Дашу. – Шеина, проверьте сумму. – И снова обратилась к мужчине: – Если вы сегодня или, в крайнем случае, завтра не оплатите весь долг, то мы вас выселим... то есть отключим электричество, воду, перекроем газ...

– А без отключения как-то можно?

Татьяна Валентиновна задумалась.

– Нельзя. Это не моя прихоть. Это распоряжение генерального директора, а ему тоже приказывают. Вы что, хотите, чтобы из-за вас нас лишили премии и вообще уволили?

– Я просто хотел...

– Вы уже сказали, чего хотите.

Прошкина посмотрела на Дашу.

– Сколько он должен?

- Почти сто пятьдесят тысяч.

На самом деле компьютер показал, что за Скуратовым долг сто шестьдесят восемь тысяч рублей.

- Сколько? - изобразила возмущение Прошкина. - Сегодня же погасите!

- Я не смогу сегодня собрать такую сумму.

- А мусорить, жечь свет по ночам, водой пользоваться без счетчика можете? Хорошо. Ладно, пойду вам навстречу. Сколько сможете погасить прямо сейчас?

Художник помялся и повел плечами. А Татьяна Валентиновна продолжала возмущаться:

- Что за люди? Как таким помогать? Ладно, внесете пятнадцать тысяч наличными в качестве пени, и мы вас месяц не будем беспокоить. Не будем ничего отключать. А через месяц погасите всю задолженность. А если не получится, то мы составим график выплаты долга с учетом пени... Даша, примите это к сведению и занесите Шкурихина в черный список.

- Можно только пени? - попросил Скуратов.

- Посмотрим, - вздохнула Татьяна Валентиновна и покачала головой, - взрослые люди, а как дети.

Художник дожидался ее у крыльца. Увидев, как девушка спускается по ступеням, подал ей руку.

- Простите, Даша, - сказал он, - просто я хочу все объяснить.

- Я и так понимаю, что у вас нечем заплатить.

Скуратов смутился и кивнул. Некоторое время он молча шел рядом, а потом произнес:

– Я знаю, что вы живете где-то рядом с моим домом, несколько раз вас видел. Не против, если я вас провожу?

Даша не возражала, они уже почти дошли до ее подъезда, когда девушка вспомнила, что надо купить продукты, Скуратов вернулся с ней к магазину и помог донести пакеты до парадного, а когда начал прощаться, она предложила:

– Есть хотите? Тогда поднимемся ко мне, я что-нибудь быстренько приготовлю.

Пока Даша готовила еду, художник сбегал в свою мастерскую и принес оттуда небольшой этюд вечернего города. Конечно, он хотел услышать ее мнение, и Даша сказала, что по колориту это напоминает Коровина, и вообще изображенный город очень похож на растаявший в темноте Париж, сверкающий огнями. Скуратов посмотрел на нее, удивленный, а потом поразился вслух:

– Откуда такое понимание живописи?

Но она не стала ничего объяснять. А потом, после ужина, когда гость помогал убирать со стола посуду, сказала, что временные трудности рано или поздно заканчиваются.

Даша решила договориться с Прошкиной, что погасит за художника Скуратова часть долга. Около пятнадцати тысяч у нее лежало в кошельке – все, что осталось от зарплаты, полученной накануне. Но даже если отдать все, то с голода она вряд ли умрет, так как у нее оставались кое-какие накопления, девятнадцать тысяч, которых должно хватить до конца месяца.

Перед уходом Скуратов подарил ей свой этюд и галантно поцеловал руку.

Так началась их дружба.

На следующий день после первой встречи Скуратов пригласил Дашу в свою мастерскую, которая размещалась в соседнем доме – достаточно было пересечь небольшой внутренний скверик во дворе.

Окно в мастерской – большое, во всю стену, – смотрело на крыши и на проспект, этот вид, только вечерний, и был изображен на подаренном этюде. Мастерская состояла из двух комнаток, каждая не более восьми квадратных метров, – кухни и спальни, в которой стояла двуспальная кровать с высокими дубовыми спинками и большой платяной шкаф, непонятно как втиснувшийся сюда.

Вся мастерская от потолка до пола была увешана работами хозяина. Даша осматривала картины внимательно, а автор ждал ее заключения.

– Очень нравится, – наконец сказала она, – главное, никому не подражаете, хотя и угадываются кое-где Семирадский, Левитан, Куинджи. Удивительно, что нет желающих приобрести у вас что-то.

– Желающие как раз имеются, только у этих желающих нет средств. А потому я свои холсты или дарю, или отдаю за гроши. А те, кто может предложить хорошую цену, предпочитают приобретать раскрашенные кружочки, квадратики, пятнышки и брызги красок, потому что кто-то вбивает им в голову, что именно в это нужно вкладывать средства.

Глава 3

Премии в конвертах на корпоративе действительно вручали. Наступающий Новый год отмечался все в том же зале заседаний, что и в прошлом году, в том самом, где едва не случилась когда-то массовая драка из-за того, что кто-то сел не на свое место и съел чужой бутерброд с красной икрой. Во избежание повторения подобных неприятностей в этот раз напротив каждого стула на столе стояла табличка с фамилией и должностью обладателя места. Правда, в табличку с Дашиной фамилией вкралась ошибка, там обозначалось: «Начальник коммерческого отдела». Но зато нигде не было видно Пожидаевой.

Даша не решилась садиться рядом с такой надписью. Вероятно, Лиля, печатая таблички, в очередной раз ошиблась. Но тут подошел Владислав Петрович и с улыбкой отодвинул стул, предлагая занять именно это место, при этом прошептав на ухо:

– Пожидаева после Нового года уходит. Ищем нового заведом. Но я уже предложил вашу кандидатуру.

Это известие оказалось лучшим подарком к празднику. И хотя работа Даше не нравилась, все-таки за год с небольшим такой карьерный рост от рядового сотрудника с окладом в семнадцать тысяч до начальника отдела, который получает никак не меньше пятидесяти, – это замечательно. Правда, пока она еще не утверждена на должность, но раз Копатько сказал, значит, так оно и случится. Главный акционер предприятия – его родной отец, вряд ли он не прислушается к сыну.

На этот раз корпоратив проходил спокойно: вполне возможно, что сотрудники помнили, из-за чего год назад лишился работы бывший генеральный... А если увольняют начальников высшего звена, то остальных точно не пожалеют. Поэтому все вели себя прилично.

После нескольких тостов Владислав Петрович обратился к сотрудникам:

– Ну, чего сидите как в кабинетах? Не хотите, что ли, жирок растрясти? Давайте потанцуем немного.

И все вскочили как по команде. К Даше тоже подлетел какой-то паренек из производственного отдела, она уже вышла к кавалеру из-за стола, однако рядовой сотрудник внезапно испарился, а вместо него стоял сам генеральный директор.

– Я думаю, вы мне не откажете, – улыбнулся он.

Танцевали почти все: лишь несколько женщин остались за столом ввиду численного превосходства женского пола. И парочка мужчин выскочила в коридор, вероятно, чтобы пересчитать купюры в конверте.

– Кстати, по поводу вашего назначения, – шепнул Копатько, – вопрос можно решить уже завтра. Хотя нет, завтра вряд ли, но сразу после праздника наверняка. Только если вы мне завтра предоставите отчет. Тогда я смогу убедить акционеров.

- Но завтра 31 декабря, - напомнила Даша, - выходной.

- Официально завтра - рабочий день. Это я, по доброте душевной, отпустил всех, чтобы люди готовились к празднику. Но вы, если, конечно, претендуете на новую должность, приходите с документами.

- Но отчет не готов еще...

- Ну что ж, - вздохнул генеральный, - очень жаль, а мне так хотелось, чтобы это место было вашим.

На самом деле Даша почти все сделала. Цифры были проверены и перепроверены. Но кое-какая доработка все же требовалась.

- Я постараюсь успеть, - сказала Даша, - прямо сейчас пойду домой и поработаю до утра...

- Вот и славненько! - обрадовался Копатько. - Только отдохните потом немного, а к полудню приходите. Я буду в своем кабинете - специально приеду. Посмотрю то, что вы подготовили, и отправлюсь праздновать. Вы, кстати, где будете Новый год отмечать?

- Дома, - с легким недоумением ответила девушка.

Тут мелодия закончилась. И поскольку не было распоряжения начальства на продолжение танцев, все вернулись на свои места за столом. А Даша взяла сумочку и поспешила к выходу. Дубленку и сапожки она оставила в своем кабинете, зашла туда, но не стала сразу одеваться, а задумалась. Она не хотела приходить на этот корпоратив, но пришлось. И теперь даже рада этому - состоится ли ее назначение на новую должность, еще неизвестно, но само известие приятно греет душу. На самом деле, зачем начальству брать человека со стороны? Вряд ли так необходимо, когда есть она, которая и так тащит весь отдел. Чем занимается или занималась Пожидаева, неизвестно, но, когда ее нет на работе, ничего не меняется. Начальник отдела только участвовала в каких-то планерках, которые проводит Владислав Петрович, и, возвращаясь от генерального, давала указания Даше как единственной подчиненной, а потом контролировала выполнение своих распоряжений... То есть Пожидаевой казалось, что она контролирует: но в таблицы и графики Людмила Захаровна и

заглядывать боялась, потому что не могла в них ничего понять, и изредка просматривала только списки должников...

Даша сняла туфельки, спрятала их в нижний ящик стола, надела сапожки, дубленку, вышла из кабинета и увидела стоящую у дверей Лилю. Секретарша тоже была уже одета и, похоже, дожидалась именно ее.

- Тоже уходишь? - спросила Даша.

Лиля кивнула, и они вместе пошли к выходу. Проследовали по длинному коридору мимо одинаковых дверей с потрескавшимся дешевым шпоном под белый ясень, миновали будку, за стеклянной перегородкой которой пожилой охранник ел бутерброды. При появлении девушек он быстро убрал со стола пластиковую пивную бутылку, кивнул на прощание и уставился в экран маленького телевизора, где надрывались от собственного счастья блестящие от лака эстрадные звезды.

На улице шел снежок, редкий и мелкий, как манная крупа. Снежинки стремительно слетали с темного неба, искрились в свете уличных фонарей и терялись в темном пространстве.

Девушки осторожно спустились по ступенькам.

- Как я навернулась тогда, - вспомнила Лиля и рассмеялась. - так больно было! Кропачев потом прощения просил, но говорил, что это не он...

- Это не он, - подтвердила Даша, - это Владислав Петрович.

- Разве? - не поверила секретарша и вздохнула. - Ну да ладно.

Какое-то время шли молча, а потом Лиля сказала:

- Пожидаева уходит.

- Я знаю, - ответила Даша, - только не могу понять почему. Работа у нее непыльная, зарплата хорошая, начальство она устраивает.

– У нее муж из тюрьмы вернулся... – И, увидев удивление на лице собеседницы, секретарша продолжила: – Он почти двадцать лет сидел. Они познакомились, когда Людмиле Захаровне и девятнадцати не было, то есть как мне сейчас. А потом выяснилось, что Пожидаев главарь банды. Посадили, следствие шло долго, и каким-то образом Людмиле удалось устроиться в следственный изолятор, чтобы поближе к нему быть... А когда Пожидаева на зону отправили, она ездила к нему, и поженились они уже там. А еще, как мне рассказывали, ее муж познакомился в камере с отцом нашего Владислава Петровича, говорят, тот ему помог, и поэтому Копатько-старший посчитал, что обязан Пожидаеву, и взял его жену на работу. Хотя никто не знает про то, что Копатько сидел. А может, и наврали мне, и Владислав Петрович сказал, что его отец никогда не был под судом. Но вполне может быть, что он просто откупился.

Даша не нашлась что ответить и поэтому спросила Лилю:

– А ты как попала сюда на работу?

– Школу закончила, дальше учиться средств не было, и мама меня привела в «Профсервис». Она здесь дворником работает, то есть работала. Думала, что и я вот так же с метлой буду. Я плакала, конечно, я же мечтала о конкурсах красоты, о подиумах, но мама сказала, что, если чем-то подобным займусь, она от меня откажется, потому что ей не нужна дочь-проститутка. Привела меня в дворники устраивать, а Кропачев увидел и позвал к себе в секретари. У него как раз тогда предыдущая уволилась.

– Ты так любишь маму, что готова была работать дворником?

– Конечно. Она хорошая, только несчастная. Ей не повезло в жизни: приехала учиться, но на третьем курсе меня родила. Пришлось учебу бросить и устроиться дворничихой, чтобы домой не возвращаться с позором. Восемнадцать лет метлой махала, а зимой снег разгребала... Ну, хорошо еще, что я Владислава Петровича упростила ее в технички перевести. А вы как здесь оказались? Все удивляются, говорят, что вы белая ворона. Гордая такая вся.

– Чем гордиться? – удивилась Даша. – Искала работу, везде отказывали, денег не было...

Они свернули во двор, потом прошли дом с мастерскими художников под крышей, скверик и детскую площадку. Даша шла к себе, а куда направлялась Лиля – непонятно.

– Я там бутылку шампанского стащила, – призналась секретарша, – хочу с кем-нибудь поговорить, но только не с кем... А с мамой поделиться боюсь... Тема очень непростая.

– Ты беременна? – догадалась Даша.

Девушка смутилась и со вздохом кивнула.

– Что ж, пойдем ко мне, – предложила Шеина, пытаясь не думать о том, что ей нужно поскорее доделывать отчет для гендиректора.

Она поняла, что Лиле просто не с кем поговорить, спросить совета. Подруг у нее нет, вероятно, в школе девочки презирали ее за то, что растет без отца, мать дворничиха, что бедно одевается, что нет денег на хорошие духи и дорогую косметику, и ненавидели за то, что, несмотря на все это, она красивая. И на работе красавицу-секретаршу не особенно жалуют. Так что, кроме мамы, у нее никого. Есть, конечно, отец будущего ребенка. Только кто он? Неужели сплетница Прошкина была права и у Лили роман с Владиславом Петровичем?

– Он знает, что ты беременна? – спросила Даша, не называя имени.

Лилля печально кивнула.

– Сказал, что на аборт деньги даст, а если я буду болтать...

– Грозился уволить, – подсказала Шеина.

– Так вы знаете, кто это? – испугалась девушка.

– Догадываюсь. Других мужчин он к тебе не подпускает.

Секретарша вздохнула.

– Это правда, а теперь и вовсе никто не появится. Кому я с ребенком буду нужна?

Они пересекли скверик. Возле подъезда стоял грузовик с фургончиком, из которого вытаскивали небольшой шкаф. А рядом стояла серая «Нива» с поднятой дверью багажника. Грузчики уже заканчивали работу, потому что фургон был пуст.

Когда девушки подошли к парадному, навстречу им вышел молодой человек в короткой зимней куртке с волчьим воротником. Лицо его покраснелось, очевидно, и он таскал мебель. К нему подошел бригадир грузчиков и изобразил невероятную усталость:

– Хозяин, добавить надо бы: у ребят праздник и все такое.

– У меня тоже праздник, – ответил парень, – и я таскал вместе с твоими ребятами. – Он встретился взглядом с проходящей мимо Дашей и протянул бригадиру купюру: – Держи еще тыщу! Больше не дам!

Парень догнал девушек возле дверей лифта.

– Я ваш новый сосед, – улыбнулся он, – буду жить на седьмом этаже.

– Я на шестом, – ответила Даша.

– А я на первом, но в другом доме, – сказала Лиля.

Все вместе зашли в лифт. Кабина поползла вверх. Даша старалась не смотреть на парня, отвернулась и увидела в зеркале его отражение, он смотрел на нее не таясь.

– Хворостинин, – назвал себя молодой человек.

– Если вы скажете, что вас зовут еще и Дмитрий... – усмехнулась Даша.

Брови соседа подскочили вверх.

- Вы знаете, кто такой Дмитрий Хворостинин? - удивился он. - Откуда?

- В школе хорошо училась.

- Да ладно, - возмутился он, - про него в школьных учебниках не очень-то много.

Кабина остановилась на шестом этаже. Даша с Лилей вышли.

- Погодите! - крикнул Хворостинин. - А как зовут мою соседку?

- Шеина Дарья.

Новый сосед хотел еще что-то сказать, но двери закрылись.

Пока Даша доставала ключи, Лиля негромко поинтересовалась:

- А кто такой Хворостинин?

- Величайший русский полководец, - ответила Даша, пока открывала двери, - во всех своих битвах он одерживал победы. Громил шведов, литовцев, поляков, ногайцев, крымских татар и не потерпел ни одного поражения. Сулейман Великолепный, правитель Османской империи, решил завоевать Европу, что, несомненно, и случилось бы, однако Сулейман, уверенный в своей силе, решил сначала покорить слабую тогда Россию. И послал на Москву сто двадцать тысяч лучших воинов, во главе которых поставил своего двоюродного брата, крымского хана Девлет-Гирея. В полусотне верст от Москвы их встретил пятитысячный отряд князя Дмитрия Хворостинина. Битва длилась четыре дня. На помощь Хворостинину успели подойти еще двадцать тысяч русских воинов. Враги были разгромлены наголову - лишь пять тысяч османов смогли тогда вернуться домой. Погибли почти все братья и сыновья Девлет-Гирея.

- Какая вы умная, - восхищенно протянула Лиля, проходя в прихожую следом за хозяйкой.

Однокомнатная квартирка, в которой проживала Даша, своими размерами не впечатляла. В комнате, заставленной книжными шкафами, было не

развернуться. Девушки расположились на пятиметровой кухне.

- Вы давно здесь живете, Дарья Александровна? - спросила Лиля.

- Почти четыре года, только давай без отчества. И на «ты». Я - просто Даша, а ты - Лиля. Разница в возрасте между нами небольшая. Если дружить, то дружить: будем помогать друг другу, поддерживать в сложных ситуациях. Ты согласна?

- Да, - с радостью закивала гостя, - у меня вообще ни друзей, ни подруг.

- У меня тоже.

- А художник? Простите, Дарья Алек... то есть прости, Даша, но все говорят, что у тебя роман с пожилым художником.

- Художник уехал в Париж. Но он мой друг и ничего больше. А насчет возраста, главное, какой человек, иногда и молодой в душе может оказаться древним стариком. И тут не угадаешь, кто моложе - пятидесятилетний художник Скуратов или Копатько, которому двадцать пять...

- Двадцать шесть, - поправила Лиля и вздохнула.

Наскоро приготовили закуски, но шампанское решили не открывать: Лиле нельзя, а Даше еще предстояло работать всю ночь.

- Я не знаю, как это произошло... то есть знаю, конечно, - начала рассказывать девушка, - только не понимаю, почему я в него влюбилась сразу. Вот как увидела в первый раз - так сразу это и случилось. У меня даже ноги отнялись, я сидела за своей секретарской стойкой дурацкой и подняться не могла. Как парализованная. А он меня в клуб пригласил, потом в ресторан, и в боулинге мы были... Я даже представить не могла, что когда-нибудь окажусь в таких местах. В загородный дом к нему ездили. В первый раз, когда он меня туда привез, там были его друзья со своими девушками. Выпили, а потом в баню пошли. Все разделись, а я стеснялась. В простыню завернулась, а Влад с меня эту простыню сдернул... Неприятно, конечно, когда тебя чужие люди рассматривают, но я смирилась: может, у них так принято... У них там много чего принято

непонятого для меня. Иногда мне казалось, что Владик меня любит: он подарки делал, красивое белье покупал, цепочку золотую... Но как-то раз я в городской квартире у него осталась, лежим в постели, а тут его отец нагрянул... Влад ему открыл, Петр Иванович прошел в комнату, увидел меня и сказал: «Быстро встала и пошла отсюда!» И стоит, смотрит. Я же не могу при нем одеваться. Попросила, чтобы он вышел. А он как крикнет: «Между прочим, это моя квартира: на мои деньги куплена. И я здесь смотрю туда, куда хочу». У меня от стыда слезы потекли. Но он, правда, ушел тут же. Сказал только, что знает, кто я такая, и не надо прикидываться недотрогой...

– Владислав пытался его остановить, защитить тебя как-то? – сердито спросила Даша.

Лиля покачала головой.

– Владик сказал потом, что это бесполезно. Его отцу нельзя возражать, тогда он совсем неуправляемым становится. К тому же отец хочет Владика женить на дочери вице-губернатора Лeksuкова. И ничего другого слышать не хочет. Петр Иванович для того и дал Владу наш «Профсервис», чтобы он опыта набрался, потому что Лeksuков ему хорошую должность в городском ЖКХ подготовил. И эту Кристину Лeksuкову я видела. Она к нам в офис заезжала как-то. Может быть, даже симпатичная, одежда на ней дорогая, макияж, украшения... Черный «Мерседес» с водителем. Куда мне до нее! Влад, правда, говорит, что она ему никак... То есть не нравится вовсе. Но она часто ему звонит и на мобильный, и даже через мой номер в приемной... Я один раз решила послушать, о чем они говорят, но Влад как крикнет: «Положи трубку!», а этой Кристине объяснил, что секретарша дура.

– А тебе так нужен Копатько? – поинтересовалась Даша.

Лиля быстро кивнула.

– Тебе нужен именно Владислав – избалованный и грубый? Который ходит в баню с друзьями и голыми случайными подругами друзей, – попыталась уговорить ее Даша. – Дай бог, чтобы было так, как ты хочешь сейчас. А вдруг тебе встретится настоящий мужчина – сильный, добрый, надежный, который полюбит тебя, а ты полюбишь его...

- Кому я нужна буду с ребенком!

- Что ты заладила «с ребенком, с ребенком!». Настоящий мужчина полюбит и тебя, и твоих детей, пусть их хоть десять будет. Ты красивая и очень хорошая, а мужчинам нужна такая жена, а не кукла в «Мерседесе» с брильянтами.

- Где ж такого встретить можно?

- Да где угодно. Хоть в лифте!

Даша сказала не подумав и вдруг поняла, что это не случайно вырвалось. Вспомнила, как смотрел на нее новый сосед через отражение в зеркале лифта, вспомнила его лицо – обычное лицо, спокойный взгляд...

- Сегодня одного уже встретили, – тоже вспомнила Лиля, – но он только на тебя смотрел.

- Просто потому, что я живу в этом доме, – попыталась отговориться Даша, – и потом, он наверняка женат. Ему лет тридцать уже, если не больше, а таких расхватывают сразу.

- Не знаю, – задумчиво произнесла Лиля, – кольца на пальце у него нет, я посмотрела.

Так они проговорили какое-то время, потом Лиля собралась уходить, и Даша решила ее проводить. Вышли на лестничную площадку, вызвали лифт. Сверху доносился шум передвигаемой мебели.

Когда зашли в кабину, Лиля нажала кнопку седьмого этажа и объяснила, что хочет посмотреть, как этот человек устроился. Они поднялись наверх и оказались возле приотворенных дверей такой же, как и у Даши, квартиры. Новый сосед девушкам обрадовался и пригласил войти.

То, что он не женат, можно было понять, едва заглянув в комнату: кровати в ней не было, стоял лишь не очень широкий односпальный диван. Шкаф, книжные полки, кресло, пара стульев, стол – вот и вся мебель. Непонятно было, за что бригадир грузчиков просил дополнительные деньги. Вероятно, за штангу, гири и

гантели, сваленные в углу.

- Вы сюда, наверное, по обмену после развода? - поинтересовалась Лиля.

- Не успел пока жениться, - признался Хворостинин. - Был прописан в квартире сестры, но там появлялся редко. По командировкам все время мотался. А сейчас подкопил денег и приобрел то, на что хватило средств.

- У Даши квартира как раз под вами, - просветила парня Лиля, - так что можете перестукиваться по трубе.

- Вы знаете азбуку Морзе? - удивился Дмитрий, глядя на Дашу.

- Нет, конечно, - ответила за подругу Лиля, - и вряд ли перестуки понравятся кому-то еще. Проще найти какой-нибудь другой способ общения.

- Я подумаю над этим, - пообещал сосед, - а вообще надо отметить мое новоселье, да и Новый год заодно. Может быть, заглянете ко мне в новогоднюю ночь? Вы где завтра будете?

Даша пожала плечами. Она вдруг вспомнила, что в полдень должна отнести генеральному отчет, который еще следует доработать.

- И я еще не решила, где буду, - проговорила Лиля, - каждый год с мамой встречаем, но теперь хочется сменить обстановку.

- Вот и приходите ко мне с Дашей. Из меня, правда, кулинар никакой.

- Мы придем обязательно, - тут же пообещала девушка...

Хворостинин проводил их до кабины лифта. Прощаясь, напомнил, что рассчитывает провести праздничный вечер в их обществе, а если девушки считают, что идти в дом к малознакомому мужчине противоречит правилам хорошего тона, то могут для страховки прихватить друзей, он будет только рад компании.

Пока спускался лифт, и Даша, и Лиля обе молчали. Лилия только искоса поглядывала на подругу. Так же, не говоря друг другу ни слова, они вышли на площадку первого этажа, и тогда Лилия остановилась.

– Ты что, обиделась на меня? – спросила она. – Думаешь, что я хочу с ним... чего-то там? Так я для тебя стараюсь! Я же такая глупая, что мне, кроме Владислава Петровича Копатько, никто не нужен.

Даша улыбнулась, она еще не определилась, насколько понравился ей новый сосед, но то, что Лилия не имеет на него видов, ее обрадовало.

Даша проводила Лилию до дома. Та показала окна их с мамой квартиры на первом этаже. Квартира, конечно, была служебная, но жили они здесь, сколько Лилия себя помнила.

Подруги расцеловались на прощанье, и после этого Лилия сказала Даше, что Хворостинин, конечно, хороший человек, но «Мерседеса» – личного или служебного – у него никогда не будет. Но это замечание Даша пропустила мимо ушей. Потому что знала, что хорошие люди на «Мерседесах» редко ездят, и, кроме того, никаких планов в отношении нового знакомого у нее не было.

Вернувшись домой, она расположилась перед компьютером, стараясь не думать ни о чем постороннем, чтобы не отвлекаться от работы. Когда Даша закончила наконец отчет и взглянула на часы, была половина пятого утра.

Глава 4

Без четверти двенадцать Даша уже была на работе. Пожилой охранник в униформе, которая топорщилась у него на спине, почти ничем не отличающийся от того, что был накануне, сообщил, что никого в офисе нет. Даша прошла по коридору мимо пустых кабинетов и заглянула в зал заседаний, посмотреть на то, что осталось после вчерашнего праздника. Грязная посуда была поставлена в картонные коробки из-под ксероксов, скатерти сложены в мешок – их, судя по всему, приготовили для отправки в химчистку. Самая большая коробка оказалась доверху заполнена пустыми бутылками. Но в зале царил

относительный порядок, ничего не было разбито, и даже праздничная елка стояла ровно, и разноцветные лампочки на ней монотонно подмигивали Даше.

Девушка вернулась к будке охранника, тот с необычайным вниманием смотрел старый фильм про Золушку и смеялся над известными всем с детства шутками, иногда повторял их вслух – вероятно, таким образом пытаясь общаться с Дашей, которая остановилась у него за спиной.

Прошел почти час. Копатько, судя по всему, не спешил на назначенную им встречу. Для себя Даша решила, что подождет еще полчаса, а потом пойдет домой. Конечно, она рискует не получить должность, но, с другой стороны, Владислав Петрович может позвонить, когда появится в офисе, и она сразу прибежит. Номер телефона любого подчиненного генеральный всегда найдет или попросит у своей секретарши. Но вообще это некрасиво – назначить встречу и не явиться.

– Какое сказочное свинство! – произнесла Фаина Раневская, словно озвучивая Дашины мысли.

И в это время раздался звонок.

– Это Копатько, – прозвучал в телефонной трубке голос генерального директора, – я застрял на даче. Что-то с машиной случилось. Позвонил водителю, а он уже успел хряпнуть за уходящий год. Я, правда, сам дал ему сегодня выходной... А ваш доклад, Шеина, нужен немедленно. Сделаем вот что: вы мне документы сюда привезете, я при вас полистаю, а потом вызовем такси. Хотя вызовите такси прямо сейчас, чтобы потом не заморачиваться...

Услышав это, Даша растерялась.

– Во-первых, я не знаю, куда ехать, а во-вторых, такси обойдется в немалую сумму, наверняка неподъемную для меня...

– Я все оплачу, – не дал ей договорить Владислав Петрович, – спишем потом на транспортные или на представительские расходы. Давайте поскорее, жду вас.

И он прервал разговор, так и не назвав адреса, то ли забыл, то ли полагал, что все сотрудники должны обладать этой информацией. Куда ехать, Даша так и не узнала. Перезванивать Копатько и общаться с ним лишний раз не хотелось, поэтому она с облегчением вспомнила о Лиле и набрала ее номер. Объяснив подруге ситуацию, Даша получила нужный адрес.

- Поселок называется «Лесное озеро». Это километров пятнадцать от города. На въезде шлагбаум с охраной. Охранники связываются с хозяином дома, и если он ждет гостей, то пропускают на территорию, - объяснила Лиля.

- Я не поеду туда на машине. Другой путь есть?

- Можно на метро до конечной, потом перейти на железнодорожную станцию: четвертая остановка твоя. Только от станции до «Лесного озера» еще километра четыре, но возле железной дороги всегда стоят машины, которые предлагают подвезти. Я как-то раз так и добиралась.

Когда Даша выехала, времени было два часа дня. Дорога до коттеджного поселка и в один конец займет несколько часов. Да еще наверняка Копатько продержит ее минут сорок, если не час. Когда она вернется домой, будет почти ночь, а еще ведь ко встрече Нового года нужно подготовиться. Перспектива так провести день Дашу не устраивала, но другого выхода не было.

К счастью, на метро ушло чуть меньше часа, и электричку долго ждать не пришлось, она подошла к станции, как только Даша купила билет. Еще через двадцать минут девушка уже стояла на нужной платформе. Обещанных Лилей машин у станции не наблюдалось, наверное, не надеялись найти клиентов тридцать первого декабря.

Кроме нее, здесь из вагона электрички вышла только пожилая супружеская пара. Даша поинтересовалась у них, как можно добраться до «Лесного озера». Женщина объяснила, что есть тропка через лес, но сейчас зима и тропку замело, потому что ею и летом мало кто пользуется. По этой тропке до коттеджного поселка километра два, но можно идти и по дороге, но так дольше - пешком около часа.

- Но вы девушка молодая, - поддержал женщину супруг, - добежите минут за сорок. В любом случае до Нового года успеете.

Даша поблагодарила их и, тяжело вздохнув, быстро пошла вдоль дороги по направлению, что указал пожилой мужчина.

Она шла всего минут десять и уже замерзла. Даша несколько раз пыталась остановить какую-нибудь проезжающую машину, но все пролетали мимо. Наконец без всякого ее сигнала рядом притормозила старенькая «девятка». Из окошка выглянул парень и спросил:

- Куда?

- В «Лесное озеро».

- Садись!

Она с радостью забралась на заднее сиденье, вовремя ее подобрали, пальцы на ногах почти не чувствовались. Выходя из дома, Даша надела осенние сапоги, не предполагая, что придется ехать за город. Холод пробрался и под дубленку, под которой была лишь клетчатая рубашка.

- Куда ты, такая красивая, одна? - спросил водитель и оглянулся.

Взгляд у парня был напряженным, и Даше совсем не понравилось, как он переглянулся со своим приятелем на сиденье рядом.

- По делу, - сухо ответила она.

- Какие могут быть дела? - продолжал болтать водитель. - Скоро праздник. Поехали с нами. Там уже стол накрыт, музыка хорошая, свечи-мечки - все как в лучших домах.

- Я еду к мужу, а он...

- Чего это он тебя одну отпускает? - подключился к разговору второй парень. - Опасно такой красивой ходить без охраны.

- Никакой опасности, - ответила Шеина, - у меня травматика в сумочке...

- Вы все так говорите, - начал было шофер.

- Показать? - спросила Даша и открыла сумочку, в которой, конечно, ничего, кроме папки с документами, не имелось.

- Ладно, к мужу так к мужу, - согласился парень. - Четыреста рублей с тебя.

Через минуту «девятка» остановилась около шлагбаума. Возле будки переминались с ноги на ногу двое охранников в коротких куртках, из-под которых торчали рации. Один подошел и спросил:

- Вы к кому?

- К Владиславу Петровичу Копатько. Он должен был предупредить.

- Первый поворот направо - красный кирпичный дом, - сказал охранник, махнул рукой, и шлагбаум поднялся, пропуская машину.

Даша достала мобильник и набрала номер генерального и, когда он ответил, сказала:

- Это Даша. Я уже подъехала.

«Девятка» и в самом деле подкатывала к высоким металлическим воротам.

Водитель, увидев протянутые ему две сторублевые бумажки, возмутился:

- Мы на четыреста договаривались.

- Я с вами ни о чем не договаривалась. А двести рублей за два километра - более чем достаточно.

Она вышла из машины и нажала на кнопку на калитке. Дверь начала открываться. Но Даша не успела пройти на территорию, как рядом, едва не задев ее, развернулась «девятка».

– Чтоб тебе сегодня ничего не обломилось, дура! – крикнул парень, что сидел справа, и плюнул на дорогу.

Даша не обратила на него внимания и зашла внутрь. Дом у Копатько был большой, кирпичный, окруженный соснами. На крыльце стоял, ожидая ее, Владислав Петрович и ежился. Даша поднялась по ступеням и поздоровалась.

– Заходите скорее, – поторопил ее генеральный директор, – а то холодно.

Он провел гостью через узкий тамбур мимо еще одной двери – стеклянной, за которой, судя по всему, располагался гараж: виден был капот красного «Х-5». На нем Копатько приезжал на работу. Потом они вошли в просторную прихожую с зеркальными шкафами-купе. Владислав раздвинул двери одного из них и сказал:

– Раздевайтесь и проходите в гостиную. В камине горит огонь, и в доме тепло. А я сейчас вернусь.

Копатько посмотрел на Дашу, и ей показалось, что мужчина не очень хорошо выглядит и немного помят, возможно, он не выспался или с утра уже принял определенную дозу алкоголя.

В доме оказалось не просто тепло, а даже жарко. Пахло еловой хвоей, но елки не было видно. Глубокое кожаное кресло стояло возле камина, и перед тем, как туда сесть, Даша немного отодвинула его подальше от огня.

В ожидании хозяина она достала папку с отчетом, начала просматривать листы, чтобы легко отвечать на вопросы, если они будут. Взглянула на свои часики – половина четвертого. Это радовало, вряд ли Владислав Петрович долго станет заниматься сотрудницей, потому что за большим проемом просматривалась еще комната – очевидно столовая, а там стоял накрытый стол, свечи в красивых подсвечниках ждали темноты, чтобы вспыхнуть и сгореть во славу Нового года. Из гостиной широкая лестница уводила наверх, но Владислав Петрович, который туда ушел, не спешил спускаться.

Даша просмотрела все документы еще раз, ошибок не нашла. Чтобы не сидеть без дела, достала из сумочки красный фломастер и начала обводить основные цифры. На это ушло еще пять минут. Копатько не появлялся. Не выдержав, она встала, прошла по гостиной, выглянула в окно, но, кроме ворот и забора,

ничего не увидела. Потом пересекла комнату, зашла в столовую, где находилась празднично наряженная пушистая ель и стол с закусками под стеклянными крышками. Даша не стала разглядывать, что приготовлено у генерального директора на праздник, и посмотрела в окна этой комнаты. Здесь вид открывался тоже на участок и забор из сетки-рабицы, за сеткой тянулось ровное белое поле, а может быть, замерзшее озеро, покрытое снегом... Владислав Петрович все не спускался. Звать его было бы неприлично, и Даша нерешительно поднялась на второй этаж и прислушалась. Сначала было тихо, но, оказавшись в холле, девушка услышала слабый звук – похоже было, что это струи воды бьют об пол душевой кабины. Неужели Копатько решил принять душ в тот самый момент, когда она пришла и ждет?

«Надо было сразу отдать ему документы и попрощаться», – с досадой подумала Даша и, надеясь, что он все-таки где-то неподалеку, а не в ванной, негромко позвала:

– Владислав Петрович!

Ответа не последовало.

Она позвала еще раз. Звуки воды смолкли. Шеина, проклиная себя за мягкотелость, за дурацкое желание продвинуться по карьерной лестнице, начала спускаться обратно в гостиную. За спиной послышался звук открываемой двери. Даша оглянулась и увидела генерального директора в голубом махровом халате. Копатько выходил из ванной комнаты, высушивая волосы полотенцем.

– Владислав Петрович, может быть, поскорее закончим с делами? Хочу побыстрее вернуться домой, я сегодня гостей к себе пригласила, – пыталась воззвать к его совести Даша.

Но Копатько отреагировал спокойно:

– Подождут, ежели что. Я перебрал вчера чуть-чуть. Поэтому и не рискнул садиться за руль. Не волнуйтесь, сейчас мы все дела решим. Через пять минут я спущусь.

Ждать пришлось десять минут. Владислав Петрович спустился одетый в серый двубортный костюм с укороченным пиджаком. Узел алого галстука был ослаблен

так, что просматривался расстегнутый воротник рубашки. От мужчины пахло дорогим одеколоном.

- Теперь я полностью в вашем распоряжении, - сказал он, - займемся отчетом.

Копатько пристроился в кресле у камина, в котором недавно сидела Даша, открыл поданную ей папку и углубился в изучение документов. А когда поднял глаза, то увидел, что девушка стоит в двух шагах от него, замерев в ожидании, и сказал:

- Что вы стоите как бедная родственница? Присаживайтесь, - и кивнул на второе кресло, которое стояло рядом.

- Ничего, я постою, - ответила Даша, - в электричке насиделась и в метро.

Генеральный покачал головой, снова уткнулся в бумаги, но через минуту опять отвлекся.

- Я так не могу, - произнес он с некоторым раздражением в голосе, - давайте договоримся: если я говорю «присаживайтесь», то сделайте, как я прошу. Не будете же вы все это время стоять у меня над душой, пока мы решаем все вопросы? А мне кажется, что вы все время на дверь поглядываете. Это мешает. Потерпите немного, надеюсь, за час управимся.

- Как за час? - удивилась Даша, послушно опускаясь в кресло. - Здесь же не так много документов...

- А если у меня будут замечания? Или встретится что-то, что вызовет вопросы у учредителей?

- Но я же все равно не смогу сразу что-то исправить, - попыталась возмутиться Даша. - А на любые вопросы учредителей готова ответить, все объяснить и рассказать даже больше, чем в отчете, но после праздников.

Копатько окинул ее неодобрительным взглядом:

– Решается ваша судьба, Дарья Александровна. Если вы станете начальником отдела, то в скором времени перед вами откроются новые невиданные перспективы. Не думаете ли вы, что я вечно буду руководить такой захудалой конторкой, как этот «Профсервис»? Меня ждет весьма интересная и престижная работа. Я уйду, и необходимо будет искать нового генерального. А зачем искать на стороне, когда внутри коллектива окажется человек, которому можно доверять полностью... У нас в «Профсервисе» людей с высшим образованием не так уж много.

Он потряс головой и улыбнулся, кивнув на бумаги:

– Час, не больше, уверяю вас.

Даша обреченно вздохнула и не стала спорить. Какую должность пообещали Копатько, что он с таким пренебрежением отзывается о «Профсервисе», на обслуживании которого более трехсот многоквартирных домов и более пяти сотен сдаваемых в аренду объектов? А если престижная должность обещана ему после брака с дочкой вице-губернатора? Это значит, что у Лили никаких шансов на официальные отношения с Владиславом нет. И на продолжительную связь с ним девушке тоже рассчитывать не приходится.

Генеральный директор вдруг поднялся.

– Мы можем перебраться за стол и продолжить там, заодно и перекусим. В конце концов, я с утра ничего не ел, а уже пятый час. Вы, я думаю, тоже проголодались.

– Неудобно, Владислав Петрович, да и перед новогодним застольем я хочу немного поголодать...

Копатько властно отмахнулся и жестом пригласил ее в столовую:

– Тогда просто поприсутствуете. И не спорьте, а то только зря потратим время, а вы, кажется, спешили.

Он сел за стол, положив папку на стоящий рядом свободный стул. Даша села в другом конце стола. Владислав Петрович открыл стеклянные колпаки над

салатами и закусками, выбирая блюдо. Потом начал накладывать себе то, что ему приглянулось.

– Что вам положить?

– Спасибо, но я потерплю до вечера, – упрямо ответила Даша.

Генеральный усмехнулся, поставил перед собой полную тарелку и сказал:

– Тогда просто выпьем, проводим старый год. Наметим планы на будущий.

Возражать или спорить с ним было бесполезно: только время терять. Копатько невозмутимо налил себе виски из трехгранной бутылки, сходил к холодильнику, принес лед и шампанское. Лед бросил в свой стакан и, откупорив шампанское, долго наполнял бокал, стоящий перед Дашей, дожидаясь, когда он будет полон по самую кромку. Девушка наблюдала за этим с тоской и раздражением, замечая, что за окном начинает смеркаться. И в столовой становилось все темнее.

– Вы, наверное, ждете гостей, – осторожно начала Даша, – так, может...

– Жду, – кивнул Владислав Петрович, – должны подъехать. Очень солидные люди, между прочим.

Даша посмотрела на елку, потом в другую сторону, где стояла консоль, на которой расположилась еще одна елочка, маленькая, но тоже украшенная игрушками и серебристым дождиком.

– За уходящий год, – провозгласил Копатько тост, – чтобы он ушел наконец и унес с собой все плохое, что в нем было. Чтобы ушли те люди, которые мешали нам... – Он замолчал и вдруг вспомнил: – Я вам говорил, что Пожидаева уходит?

– Я даже догадываюсь почему, – проявила свою осведомленность Даша, – муж, вероятно, не хочет, чтобы она работала.

– Скорее всего, – согласился Владислав, – удивительно, как у такого серого существа, как эта баба, оказался такой авторитетный мужик. Я, правда, его

всего раз и видел: он мне не понравился – типичная бандитская рожа. Я ему, вероятно, тоже не понравился. Но мне плевать! Где я и где он!

Он сделал только один глоток виски, но казался совершенно пьяным. Удивительно, что Даша не заметила его состояние раньше.

– Уйдет не только Пожидаева, – продолжил Владислав Петрович, – УЙДУТ и другие. Секретаршу тоже надо менять... Вы в курсе, что она меня пыталась шантажировать? Пришла ко мне и наговорила всякой ерунды. Такой бред несла!

– Лиля, вероятно, сообщила вам, что она беременна, – не выдержала Даша, – так ведь это чистая правда. У нее будет ребенок от вас.

– О-о! – удивился генеральный директор и торопливо сделал большой глоток из своего стакана. – И вам она наплела эту фигню. А вы и уши развесили. Во-первых, это гнусная ложь – я с ней никогда... И вообще, с чего вы взяли, что ребенок мой? Если потребуется, то я приведу кучу мужиков, которые подтвердят, что она с ними спала.

– Это подло, – возмутилась Даша, – Лиля любит вас искренне и преданно, она носит вашего ребенка.

– Носит, – скривился Копатько, – слово-то какое глупое! Да и Лиля глупа... И врет постоянно. Мне она еще плела, будто ее отец весьма влиятельное лицо, а на матери не женился, потому что был несвободен. На ком не женился – на дворничихе? Влиятельное лицо! В былые годы каждая прачка рассказывала сказки, что в нее влюблен граф... Кстати, когда я потом Лильку спросил, что это за «лицо» ее папаша, типа будто бы поверил, так она ответила, что ничего такого мне не говорила. Потом и вовсе разревелась: мать якобы под большим секретом с ней поделилась. Так у нас в стране под большим секретом только глупостями делятся...

Он посмотрел на пустой стакан, на дне которого таяли кубики льда. Взял бутылку и плеснул очередную порцию.

– Как тебе... то есть вам наши края? В смысле окружающая природа... – спросил он вдруг.

Даша пожала плечами и показала глазами за окно.

- Там озеро?

- Озеро, - согласился Копатько, - летом оно красиво смотрится. А на берегу моя баня. Из парной можно прямо в воду прыгать. А вообще, если по льду пройти, то опять можно выйти на дорогу, а там уж и станция рядом... Но баня интересней. Мы зимой рядом с ней прорубь делаем. И банька хороша, если хочешь посетить, то...

- Не хочу.

Шеина посмотрела на свои часики.

- Пятнадцать минут осталось.

- До чего? - не понял Владислав Петрович.

Он увидел, что бокал гостьи стоит нетронутый, и удивился: - А ты чего не пьешь? Давай за нас... Ну, в смысле за «Профсервис». Только до дна.

Тут у него зазвонил мобильник. Копатько сморщился, достал из кармана аппаратик, посмотрел на вызывающий номер, подумал немного и ответил:

- Чего делаю? Работаю. Это вы там веселитесь. А мне даже в праздник приходится всякие отчеты изучать... Ну, ладно, приезжайте.

Он закончил разговор и посмотрел на свою подчиненную:

- Так, чего сидим? Давай за будущее фирмы.

Даша подняла бокал, пригубила немного и вернула обратно на стол. Копатько выпил свой виски полностью. Рукой взял из тарелки с мясным ассорти кусок сыровяленой колбасы и положил в рот.

Было понятно, что документы генеральный директор посмотреть сегодня уже не будет, если вообще собирался их просматривать. Даша вдруг отчетливо осознала, что эту историю с отчетом и повышением он специально придумал, чтобы заманить ее сюда. И явно цели у Копатько были сомнительные. Так что надо бы скорее выбираться.

Продолжая жевать колбасу, Владислав Петрович поднялся, достал из кармана зажигалку и начал поджигать фитили свечей. Когда те разгорелись, опустился снова за стол и объяснил:

- Это чтобы интим создать.

Он пытался перехватить ее взгляд, но Даша смотрела в сторону.

- А вы ведь, Дарья Александровна, мне сразу понравились, - пытаюсь придать своему голосу проникновенное звучание, произнес Копатько, - вы ведь не такая, как все эти остальные. И говорите по-другому, и одеваетесь, и даже двигаетесь как-то по-особенному. Поэтому вас и не любят в коллективе. Называют даже белой вороной... Но вообще для вас это как комплимент звучит. По мне, если кому-то хочется быть серой вороной, то пусть на помойку летит и клюет там дерьмо всякое...

- Я, пожалуй, пойду, если отчет вас не интересует, - решительно сказала Даша, поднимаясь из-за стола. - Ко мне должны подъехать гости, нужно много чего приготовить, а времени в обрез.

- Плевать мне на ваших гостей! - закричал Владислав. - Перезвоните им и скажите, что все отменяется. Я, между прочим, тоже отказался от приглашения, а меня звали в клуб «Олимпия», туда простые люди не ходят. Я хочу, чтобы мы провели эту сказочную ночь вместе. Как Новый год встретишь, таким он и окажется, а мы встретим его вдвоем, и нам будет...

- Простите, Владислав Петрович, мне очень лестно, но я не могу остаться, - ответила Даша как можно вежливее и напомнила: - И к вам же друзья спешат...

- Какие? - не понял Владислав Петрович. - Да пошли они все! Будем только ты да я... Признайся, ведь ты хочешь меня? По глазам вижу, что хочешь! Просто изображаешь неприступную недотрогу, чтобы продать себя подороже...

Даша пыталась выйти из комнаты, но Копатько встал на пути, хоть и покачивался немного, обойти его не удавалось.

– Я же знаю про твоего нищего художника, который даже аренду мастерской не мог в срок оплатить...

Она хотела проскочить мимо, но Владислав Петрович схватил ее, грубо дернул за рубашку, раздался треск разрываемой ткани, пуговички посыпались во все стороны, обнажая грудь...

– Какое у тебя тело! – закричал Копатько, словно обезумев, и прижал Дашу к себе.

Вцепился в нее так крепко, что девушка испугалась. Она пыталась вырваться, но не могла с ним справиться. А мужчина все наседавал, пытался опрокинуть ее на стол. Даша уперлась рукой в столешницу. Со стола упала тарелка и разбилась, посыпались приборы, что-то оказалось у нее под рукой. Она схватила этот предмет и ударила им Владислава Петровича. Он отступил на шаг.

– Дура, что ли? – удивился он. – Больно же... Зачем подсвечником?

Две свечи сломались и упали на пол. Одна погасла, а вторая продолжала тлеть. Даша наступила на нее и погасила.

– Я уйду, – холодно сказала Даша, стараясь, чтобы голос не дрожал, и шагнула к выходу. Копатько вновь попытался ее удержать, но Даша двумя руками изо всей силы толкнула его в грудь. Владислав Петрович, не ожидая такого толчка, полетел на спину, ударился о консоль, сверху на него рухнула маленькая елочка, а потом и сама консоль. А Даша не глядя побежала к двери.

– Ты уволена, идиотка! – крикнул ей вслед генеральный директор.

Но Даша уже не слушала, она схватила свою дубленку, накинула на плечи шарфик, выскочила на крыльцо и помчалась к калитке. Но не смогла ее отпереть, очевидно, ворота открывались сигналом из дома. Звать кого-то на помощь было бесполезно, а возвращаться в дом Копатько – глупо. Даша поозиралась в поисках другого выхода, обежала дом и бросилась к

бревенчатому домику бани, к забору из сетки-рабицы. Здесь тоже была калитка, и она оказалась незапертой. Посвистывал ветер, скрипели сосны, а сумерки вокруг стали совсем густые.

Девушка бежала так быстро, как могла, и оказалась на льду озера. Снег здесь был неглубокий, хотя кое-где, в редких местах, он достигал середины голенища сапожка, но в остальных местах не доставал и до щиколотки... Иногда ноги проскальзывали на голом льду. Даша спешила, боясь обернуться или упасть. Очень скоро она оказалась на противоположном берегу, поднялась по небольшому склону и зашагала мимо сосен, огибая голые кусты, шла, не зная куда, просто пытаюсь найти все-таки эту дорогу, о которой упоминал Копатько.

Стемнело мгновенно, ветер все усиливался. В какой-то момент Даша испугалась, подумала, что заблудилась, что крутится вокруг одного и того же места. Она остановилась, оглядываясь по сторонам в поисках своих следов, и не находила их. Было обидно и горько от того, что произошло, от того, что она оказалась такой дурой, о чем-то мечтала, корпела над отчетом, а все оказалось таким простым, обыденным и мерзким...

Сугробы становились глубже, ноги начали проваливаться почти по колено, и в сапоги уже попал снег.

Отчаянье приблизилось и почти сжало ее в своих объятиях. Было холодно и страшно. Даша вновь остановилась отдышаться, и в этот самый момент услышала шум дороги, где-то недалеко ездили машины. Она двинулась на этот звук и через четверть часа оказалась на обочине шоссе.

Дрожа от холода, Даша направилась в сторону станции, уговаривая себя, что просто не имеет права замерзнуть в новогоднюю ночь среди сосен, после того как спаслась от мерзавца-директора. Она попыталась голосовать, один автомобиль пролетел мимо, но следующий – внедорожник – остановился рядом с ней. Опустилось стекло, и приятный мужской голос произнес:

– Вас подвезти, девушка? Я еду в город.

Даша кивнула, ее трясло так, что стучали зубы, то ли от холода, то ли от страха. Она молча залезла в теплый салон, машина тронулась с места. Сидящий за рулем молодой мужчина с улыбкой спросил:

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, милая?

Но Даша ничего не смогла ответить. И тут почувствовала, как по ногам ударил поток горячего воздуха.

- Так нормально? - поинтересовался водитель.

Она кивнула в ответ и, только немного отогревшись, смогла выдать:

- Спасибо.

Какое-то время ехали молча. Даша медленно приходила в себя. Мужчина поглядывал на нее искоса, а потом вздохнул:

- В лесу заблудились?

Даша вновь кивнула, мужчина, улыбаясь, продолжил:

- Злая мачеха в новогоднюю ночь послала вас за подснежниками?

- Типа того, - печально отозвалась Даша.

- А если серьезно, как вы оказались в лесу так поздно и в одиночестве? Что-то случилось?

- Просто хотела к дороге побыстрее выйти. - Даше не хотелось рассказывать незнакомому человеку, в какую историю она вляпалась. - Мне говорили, что через озеро до станции путь короче...

- Из коттеджного поселка идете?

Даша опять кивнула.

Въехали в сверкающий праздничными огнями город. Электронные часы на приборной панели автомобиля показывали 19.01. Это казалось какой-то ошибкой: ведь наверняка должно быть намного больше. Даша посмотрела на свои часики – так и есть: на циферблате только семь вечера. Даша попыталась улыбнуться своему спасителю, он смотрел на нее с сочувствием, с расспросами больше не лез.

– Хотел вас у метро высадить, – сказал мужчина, немного погодя, – но куда вы такая. Называйте адрес, довезу до дома.

Когда остановились у подъезда, Даша поинтересовалась, сколько она должна, опасаясь, что наличности в кошельке не хватит, но водитель внедорожника лишь покачал головой:

– Люди должны помогать друг другу, особенно если попадают в беду. – Он протянул визитку: – Будут проблемы, звоните мне, не стесняйтесь.

На визитке золотыми буквами было напечатано: «Леонид Сергеевич Кульков, член городской коллегии адвокатов».

Глава 5

Едва Даша зашла домой, ей позвонила Лиля.

– Ты вернулась?

– Давно, – зачем-то соврала Даша.

– Как прошла встреча? Все в порядке?

– Замечательно! Еле вырвалась. Однако Копатько успел предупредить меня об увольнении.

– В каком смысле? – удивилась Лиля.

– В смысле того, что я больше в «Профсервисе» не работаю. Еще он хочет уволить и тебя. Вернее, сначала он решил избавиться от тебя, а потом и от меня за компанию. Подробности нашей встречи делиться не хочу.

– Я скоро приду, – прошептала в трубку Лиля.

Пришла она через час, нагруженная кастрюльками и контейнерами с провизией. А еще принесла в подарок хозяйке серого пушистого котенка. До ее прихода Даша успела полежать в горячей ванне, окончательно согреться, успокоиться и привести себя в порядок.

Теперь вдвоем девушки выгружали принесенные салаты и закуски, а котенок изучал квартиру и попискивал. Лилия молчала и кусала губы, чтобы не расплакаться. А потом призналась:

– Даша, прости меня, я-то сразу поняла, зачем он тебя вызывает. Но мне показалось, что и ты поняла и не против.

– Неужели ты решила, что я такая подлая? – возмутилась Даша, а потом удивилась: – И даже думая так, ты все равно хотела дружить со мной?

– Ты же хорошая, я думала, ты тоже во Владика влюбилась. А у меня же никого нет, – прошептала Лилия, обняла подругу и расплакалась.

Даша чувствовала, как сотрясается ее тело, и не знала, как успокоить наивную и доверчивую девушку. Они бы еще долго так стояли, но вдруг раздался стук по трубе. Лилия отстранилась и подмигнула. Даша решила ответить и тоже постучала по стояку, не зная, что сосед хочет от нее и зачем она отвечает ему. Но вскоре в дверь позвонили. Оказалось, Дмитрий хотел предупредить, что у него уже все готово, а утром он успел даже съездить в питомник и выбрал там хорошую елочку – не срубленную, а заблаговременно выкопанную вместе с корнями и большим пластом земли.

– К сожалению, игрушек у меня не так много, – признался он.

Даша забралась на антресоли и вытащила оттуда картонную коробку, в которой когда-то были те самые сапожки, испытывшие сегодня все ужасы лесных

сугробов. Теперь в коробке хранились шарики, снеговики, зайчики, ежики и лисички из стекла, пластмассы и совсем древние игрушки из папье-маше. Елку Даша давно не ставила, но игрушки выбрасывать рука не поднималась. Вот и пригодились. Втроем они поднялись наверх, прихватив с собой принесенную Лилей снедь, и стали наряжать елочку. Потом накрыли на стол, и, как выяснилось, хозяин квартиры тоже много чего наготовил.

Все было готово, можно было садиться праздновать, хотя до наступления Нового года оставалось больше двух часов, и Даша решила спуститься к себе, чтобы надеть что-нибудь праздничное. Лиля пошла следом. Она, казалось, совсем успокоилась и даже повеселела, но, когда увидела разорванную клетчатую рубашку, удивилась:

- Что произошло? Как ты умудрилась так ее порвать?

- Владислав постарался. Я же говорила, что еле-еле вырвалась. Двинула ему по башке подсвечником и убежала.

- Молодец! Правильно сделала, - почти спокойным голосом произнесла гостя и больше не поднимала эту тему.

Лиля помогла подруге и с макияжем, и с прической.

Даша подправила ее макияж и причесала. А когда Даша надела черное коктейльное платье, девушка восхитилась:

- Какая же ты красавица!

- Ты тоже! Посмотри, как мы обе хороши!

Она подвела подругу к зеркалу и заставила посмотреть.

- Я такая счастливая, что ты появилась, - тихо и проникновенно произнесла Лиля, - что бы я без тебя делала!

К Хворостинину они поднялись вместе с котенком, чтобы зверек не скучал в одиночестве. Сосед, увидев их на пороге, даже растерялся.

- В жизни не видел такой красоты, - признался он.

И непонятно было, кто из девушек поразил его больше. Сели за стол, и хозяин предупредил, чтобы на него не обижались, если он что-то сделает не так. Объяснил это тем, что много времени проводит на работе, где в основном мужской коллектив, а потому отвык от женского общества.

- А где вы работаете? - поинтересовалась Лиля.

- На государственной службе, - ответил Дмитрий, - на месте сидеть не приходится. Все больше в командировках.

- А в каких местах бываете? - продолжала любопытствовать девушка.

Хворостинин пожал плечами, но за него ответила Даша, которая уже все поняла:

- Там, где погорячее.

- Так и есть, - согласился молодой человек.

Про себя он сообщил, что ему тридцать три года. Жизнь и работой своей он доволен. А если и случаются какие-то бытовые неудобства, то он к ним привык и старается не замечать. А потом поинтересовался, чем занимаются девушки.

- Боюсь, что нас сегодня уволили обеих, - призналась Даша, - начальник вызвал меня сегодня к себе на дачу и объявил.

- Он напал на Дашу, - выпалила Лиля, - она еле вырвалась.

- Не сказать, что так уж еле-еле. Просто двинула ему по башке подсвечником и убежала.

– Вот гад! – возмутился Хворостинин. – Но, слава богу, все обошлось! Вы все сделали правильно, Даша. Теперь, когда он захочет на кого-нибудь напасть, тридцать раз подумает.

Видно было, что этот эпизод его взволновал. А потому он поспешил открыть шампанское.

Когда по телевизору началось исполнение гимна, хозяин поднялся, а следом встали и девушки. И запели все вместе, не сговариваясь. Пел Дмитрий приятным голосом и ни разу не сфальшивил, а вот Лиля все время забывала слова. Но никто ее не упрекнул. Даша выпила свой бокал полностью, а потом обняла и поцеловала подругу. Хворостинин вздохнул и отвернулся. Лилия поняла все правильно. Она обняла гостеприимного хозяина и чмокнула в щеку. Даша поняла, что тоже должна это сделать, но почему-то вдруг растерялась, а когда Дмитрий с улыбкой подставил щеку ей, поцеловала его и покраснела. Боясь, что это все заметят, Даша быстро проговорила:

– Как я тебе завидую, Лилия, в этом году у тебя появится в жизни особый смысл.

Подруга сразу стала серьезной, а Хворостинин необъяснимым образом догадался, о чем идет речь.

– У тебя будет ребенок! – восхитился он. – Какая же ты молодец! Хорошо бы, чтобы это был мальчик. Я буду крестным отцом, научу его разным полезным вещам.

Он наполнил шампанским теперь только два бокала, сказав Лиле, что теперь она особенно должна заботиться о своем здоровье, и не только о своем.

– А мы уж с Дашей всегда за тебя поднимем тост. – И тут же провозгласил: – Да здравствует Россия! Да сгинут ее враги!

Вдруг за окном раздалась канонада – это загрохотали взлетающие в небо петарды и салюты.

Даша смотрела вдаль и видела гряду холмов, над холмами висело солнце и слоились дымы костров. И на возвышенности, и по равнине перед ней пестрели треугольники шатров, колыхались флаги, суетились люди. Наблюдать за миром было весьма интересно. Посвистывал ветер, поглаживая ковыль, а внизу, у крепостной стены, качались ветви кустов и стрелы иван-чая. Даша оглядывалась вокруг, не понимая, где она находится, но еще больше ее удивляло то, что она парит над миром, вернее, кто-то держит ее на руках над землей и укачивает. Это крупный бородатый мужчина, он тоже вглядывался в даль, не обращая внимания на женский голос, который повторяет одно и то же:

– Отец-воевода, врагов как много. Ой, как много! А возьмут они Смоленск? Куды ж мы с детьми нашими... Отец-воевода, Михайло Борисович, ну хоть отправь кого в Смоленск. Ну, хоть Дуняшу. Холопкой ее обрядим, кто ж позарится на дите бедное?..

Даша слушала эти слова и улыбалась. Улыбалась непонятно чему, прекрасно понимая, кто держит ее на руках, – это воевода Шеин. А она маленькая девочка, его дочка. Он обернулся и подмигнул ей весело, Даше захотелось смеяться.

– Отправим к Хворостининым в Москву – им-то можно дите доверить.

Даша не понимала, как она здесь оказалась и почему она такая маленькая. Ей захотелось крикнуть бородатому мужчине, что все будет хорошо. Два года продлится осада, которая не даст возможности полякам пойти на Москву... Армия Сигизмунда выдохнется и вернется в Польшу. Правда, вернется она с единственно уцелевшим защитником Смоленска – плененным воеводой, за ним поедут его жена и дочь... Михаил Борисович перенесет в плену пытки и унижения, а утешать его будет восхищенный мужеством воеводы, такой же пленный, патриарх Филарет, отец будущего царя Михаила Романова...

Загремели орудия... Или это разом взорвались новогодние петарды за петербургским окном... Все вокруг гремело, и сквозь этот грохот с трудом пробился странный звук – знакомый и непонятный...

Даша открыла глаза, поняла, что лежит в своей постели. Рядом с ней на подушке спит котенок. А по комнате мечется испуганная и нескончаемая трель дверного звонка.

Глава 6

Она поднялась, подошла к двери и посмотрела в глазок. Там стояли несколько человек. Стояли, закрывая собой настенный фонарь, а потому она видела лишь темные силуэты.

- Кто там? Что-то случилось? - поинтересовалась Даша.

- Гражданка Шеина? - прозвучал за дверью мужской голос. - Это ваш участковый.

- Минуточку, - отозвалась Даша.

Пришлось идти одеваться. Под рукой оказалось только вчерашнее черное платье. Хотелось подойти к зеркалу и хотя бы причесаться, но снова стал надрываться звонок. Даша открыла дверь, и в квартиру вошли двое полицейских в форме, за ними еще двое мужчин в гражданской одежде. Перед порогом нерешительно топтались сосед и соседка - пожилая пара, проживающая на этой же площадке.

- Понятые, заходите, - сказал соседям один из мужчин в гражданском, на нем было кожаное пальто.

В маленьком коридорчике не хватало места, незваные гости прошли в комнату, но и здесь было тесно, а потому часть вошедших проследовали на кухню. Дашина квартира тут же наполнилась посторонними запахами и шумом. Соседи остались стоять в прихожей.

- Входную дверь закройте! - приказал полицейский.

Сосед тут же исполнил приказание. Мир сжался до двадцати восьми квадратных метров, и Даше стало невыносимо тесно от присутствия посторонних. Один из полицейских поднес к ее лицу раскрытое удостоверение.

– Капитан Салганов, я ваш участковый, – представился он. – Вот мои документы, чтобы вы не сомневались.

– Я верю, – не стала спорить девушка, все еще не понимая, зачем все эти люди явились к ней домой.

Ее окружили, кое-кто крутил головой, осматривая обстановку, а другие беззастенчиво разглядывали хозяйку.

– Как праздник отметили, Дарья Александровна? – поинтересовался мужчина в кожаном пальто.

– Спасибо, хорошо, – растерялась Даша и спросила: – А вы тоже участковый?

– Я – из Следственного комитета, – ответил мужчина, – и хочу задать вам пару вопросов.

– Один вы уже задали, – нервно усмехнулась Даша.

– Хватит, Дарья Александровна! Мы не настроены шутить! – повысил голос второй мужчина в гражданском, по-видимому тоже следователь.

Лицо его было красным, и, судя по капелькам пота на лбу, чувствовал он себя не очень хорошо.

– Где вы находились вчера днем приблизительно с четырнадцати сорока пяти до девятнадцати часов?

– Я была за городом, в коттеджном поселке «Лесное озеро». Вернулась домой в семь вечера, может, чуть позже, – испуганно ответила Даша.

– С какой целью вы посещали поселок «Лесное озеро», у вас была там с кем-то встреча? – грозно вопрошал краснолицый мужчина.

– Вы можете мне объяснить, чем вызвана необходимость приходить в праздничный день ко мне и задавать вопросы?

– Ты че, не поняла? – закричал один из полицейских. – Отвечай, когда спрашивают! А то щас такой тебе праздник устроим!..

– Спокойно, старший лейтенант, – одернул его следователь. – И вообще, подождите пока на кухне.

Нервный сотрудник полиции прошел на кухню и на всякий случай открыл дверь холодильника.

– К сожалению, там ничего интересного, – сказала ему Даша.

Она вчера не успела купить никаких продуктов, а салатики, что принесла Лиля, остались у Хворостинина.

Дверь холодильника громко захлопнулась.

– Так зачем вы ездили в «Лесное озеро»? – повторил вопрос следователь.

– Владислав Петрович Копатько, генеральный директор «Профсервиса», где я работаю, просил привезти подготовленный мною отчет. Сказал, что это срочно, отказаться я не могла. Поехала туда на электричке... У меня сохранился билет.

Даша подошла к вешалке, соседи-понятые почему-то в ужасе отшатнулись.

Билет оказался в кармане дубленки. Доставая его, Даша вынула и визитку, которую ей дал мужчина, подвозивший ее вчера домой. Билет она протянула следователю. Визитку продолжала держать в кулаке.

– А что случилось? Кто-нибудь может объяснить мне?

Ей не ответили. На кухне из крана полилась вода, и слышно было, как нервный полицейский с шумом пил. Следователь поморщился в сторону кухни и, отвернувшись, сказал:

– В журнале посещений у охраны на въезде в поселок стоит номер машины, на которой вы прибыли, и время – четырнадцать сорок шесть. Через три минуты машина, в которой находились двое мужчин, уехала, а вы оставались на

территории и потом так и не выходили оттуда. Назовите время, когда вы покинули дом господина Копатько.

– Я ушла пешком по льду озера и через лес. Было еще светло, иначе в темноте я бы не нашла дорогу. А что случилось?

Даша уже поняла, что с генеральным директором произошло что-то ужасное. Но почему все эти люди оказались здесь и задают столько вопросов? Почему пришли к ней? Охранники на въезде в поселок не проверяли у нее документов, она не называла ни имени, ни адреса. Зачем полицейские ввалились в ее квартиру, несмотря на раннее утро, первого января?..

– Сколько сейчас времени? – спросила Даша.

– Половина одиннадцатого, – сдавленным голосом подсказала соседка, когда полицейские ответить не соизволили.

Значит, утро не такое раннее, но все равно добрым его назвать трудно.

– Вы не против, если мы осмотрим вашу квартиру? – спросил второй мужчина в гражданском.

Даша кивнула, а потом вспомнила, что нужно в таком случае спросить:

– У вас есть ордер?

Участковый посмотрел на следователей, а те сделали вид, будто вопрос к ним не относится.

– Значит, ордера у вас нет, – заключила девушка. – Тогда зачем понятые? Почему вы вламываетесь ко мне без объяснения причин этого внезапного визита? Привлекаете людей, которые хотят спокойно отдыхать и радоваться празднику? Задаете странные вопросы?

– Вчера вечером для совместной встречи Нового года к господину Копатько по его приглашению прибыли гости. Господин Копатько не открыл им дверь калитки, и тогда его друзья, которые бывали там и раньше, вошли на

территорию со стороны озера. На первом этаже дома они обнаружили труп хозяина, вызвали полицию. А вы, вероятно, последняя, кто видел господина Копатько живым. Вот почему мы здесь, – хмуро объяснил следователь. – Вы подозреваетесь в убийстве, Дарья Александровна.

– Как? – удивилась Даша. – Когда я уходила, Владислав Петрович был жив и здоров. Не вполне трезв, может быть, но чувствовал себя более здоровым, чем некоторые из присутствующих здесь...

– Вот ведь гадина какая! – возмутился голос на кухне. – Что мы с ней тут толкуем? Паковать ее надо!

– Так вы не хотите помогать следствию? – вкрадчиво обратился к Даше мужчина в кожанке.

– Я все рассказала. Владислав Петрович срочно хотел получить отчет, я приехала от станции на попутной машине, оставила ему бумаги и пошла до трассы пешком через озеро. Когда я уходила, он был жив...

– Во сколько вы ушли? Вы сказали, что светло было, но это не ответ. Назовите точное время.

– Сейчас начинает смеркаться около пяти вечера, значит, ушла я...

Даша задумалась, понимая, что от этого ответа многое зависит. Она, разумеется, не виновата, но доказывать свою непричастность к преступлению все-таки придется. А потому ей было немного не по себе, очень тревожно и даже страшно.

– В период от шестнадцати часов дня до семнадцати, – наконец ответила она. – Это все, что я могу сообщить по существу задаваемых мне вопросов, а если появятся дополнительные, могу ответить и на них. Только вызывайте повесткой...

Даша произнесла все это и удивилась спокойствию своего голоса. На мгновение показалось, что сейчас незваные гости извинятся и уйдут. Исчезнут, забыв о ней раз и навсегда.

– Хорошо, – так же спокойно ответил старший следователь и повернулся к соседям: – Понятые могут быть свободны. Мы благодарим вас за помощь, за проявленную гражданскую позицию и приносим свои извинения.

Пожилой сосед быстро отодвинул задвижку замка и подхватил жену под локоть.

– Пойдем отсюда, Зоя.

Когда дверь за ними закрылась, следователь посмотрел на Дашу и сказал:

– Собирайтесь, Шеина, поедете с нами.

– Куда? – не поняла девушка.

– В РУВД. Там ответите на все вопросы, раз отказываетесь разговаривать дома. Зачем ждать, когда вы получите повестку, вдруг вы ее и дожидаться не станете? Разыскивай вас потом... Мы сразу с вами побеседуем и примем решение, какие меры нужно применить по отношению к вам.

– Вы зачитаете мне мои права?

– Хватит, Дарья Александровна! Вы же не хотите, чтобы мы выводили вас силой! – нетерпеливо воскликнул он. – Собирайтесь. И захватите с собой документы, удостоверяющие вашу личность.

Даша подошла к вешалке, заглянула в сумочку, висящую на ремешке, перекинутом через крючок для верхней одежды, – паспорт лежал там. Разжала кулак, в котором продолжала держать визитку вчерашнего адвоката, и положила ее в сумочку.

– Как на улице? – спросила она, ни к кому не обращаясь.

– Минус один, – удивленно ответил участковый, – ветра нет.

Даша усмехнулась, сама не понимая, зачем тянет время и что пытается придумать. Она надела сапожки, накинула на плечи палантин, потянулась к дубленке, и вдруг ее озарило. Она вернула дубленку на вешалку.

Достала из сумочки визитку и мобильник. Набрала номер.

- Кому вы звоните? - спросил один из следователей, внимательно за ней наблюдавший.

- Своему адвокату. Насколько я понимаю, отвечать на вопросы в присутствии адвоката - мое право.

- Слушаю вас, - произнес голос в трубке.

- Леонид Сергеевич? Здравствуйте! Прошу прощения за беспокойство. Это Дарья Александровна Шеина, вы мне вчера дали визитку, - тут Даша сообразила, что вчера не представилась своему спасителю, и добавила: - Девушка, которую злая мачеха отправила за ландышами. Помните такую?

- Разумеется, - отозвался адвокат веселым голосом и спросил: - Что-то случилось? Вам вновь нужна моя помощь?

- Ко мне в дом проникла многочисленная группа полицейских и увозят в РУВД для допроса. Мне неудобно вас беспокоить, но больше не у кого спросить совета...

- Я понял, - решительно прервал ее адвокат. - Уже выезжаю. Без меня не отвечайте ни на какие вопросы, ничего не подписывайте. Я быстро. Вам зачитали ваши права?

- Мои права мне обещали объяснить в РУВД.

- Передайте трубку старшему по званию.

Даша протянула телефон следователям и спросила, кто из них старший.

Следователь в кожаном пальто взял трубку и внушительно произнес:

- Старший следователь районного отделения Следственного комитета России майор юстиции Карнаухов... Ну... Ну... И чего?.. - раздраженно хмурился он и

недовольно буркнул, прежде чем отключиться: – Хорошо, подъезжайте.

Пока он разговаривал, Даша надела дубленку и замшевую кепочку, подошла к зеркалу, поправила волосы и отметила, что выглядит вполне прилично.

Следователь Карнаухов вернул ей телефон и угрюмо спросил:

– Вы завтракали сегодня?

– Спасибо, я не хочу.

– Ну, тогда не говорите потом, что мы вас голодом морим.

Все вышли на площадку, Даша заперла квартиру и направилась к лифту. Оба полицейских в форме решили спуститься пешком, но в последний момент тот, нервный, который пил воду на кухне, решил остаться.

– Нас четверо, – объяснил он следователю, – должны поместиться.

Они ждали лифт, но кнопка вызова светила красным, значит, он был занят. Даша смотрела на огонек и понимала, что жизнь ее меняется. То есть жизнь, наверное, остается прежней, но в нее вклинилось нечто ужасное и непредсказуемое. Лифт ехать не спешил. А по лестнице кто-то спускался. Даша подняла голову и увидела Дмитрия, он нес букет орхидей. Девушка невольно улыбнулась. Словно не замечая полицейских, сосед подошел к Даше и протянул ей цветы:

– Доброе утро! Это тебе. Ты куда-то уходишь? Мы ведь в кино собирались?

Она удивилась, потому что о посещении кинотеатра и речи вчера не было. Даша пыталась придумать, что бы ответить Диме, чтобы он понял, что она не преступница, потянулась за букетом, но полицейский загородил ее от Хворостинина.

– Проходи мимо! – грубо сказал он.

– Я сам принимаю решение, куда и зачем мне идти, – сердито ответил парень.

- Гражданка Шеина задержана! Не видишь, что ли?

Полицейский надвигался на Дмитрия, но он не собирался отступить.

- На каком основании?

Но рассерженный служитель порядка попытался молча оттолкнуть парня, только Хворостинин, оставаясь на месте, немного убрал корпус, и полицейский, не удержав равновесия, упал.

- Ну ты доигрался, гад! - закричал он, вскакивая, и замахнулся.

- Лейтенант! - попытался остановить его следователь Карнаухов, но без особой настойчивости.

- Да он меня провоцирует! Мы тебе сейчас нападение на власти впаяем!

- Представьтесь для начала, - спокойно попросил Дмитрий, вновь уходя от удара.

- Чего? Представиться? Старший оперуполномоченный уголовного розыска старший лейтенант Мошканов. Урод! Ты доволен? Ну, тады на...

И он замахнулся для нового удара. Даша вскрикнула, а полицейский опять промахнулся и упал.

Красная кнопка погасла. Можно было вызывать лифт, но все об этом забыли. Второй следователь бросился на Мошканова и попытался остановить его, но старший лейтенант был крупнее и в ярости. Он вырвался и быстрым движением выдернул из кобуры пистолет, направил его на Хворостинина.

- Отставить, Мошканов! - крикнул майор Карнаухов.

Но полицейский его не слушал.

- Лицом к стене! - орал он. - Руки за спину! Быстро!

– Давай меняться, – с усмешкой предложил Хворостинин. – Я тебе цветы, а ты мне пистолет.

Он протянул букет ошарашенному оперативнику, поднес его к самому лицу.

– Ты че? – вдруг закричал он и отскочил. – А-а!

Пистолета в его руке уже не было. И похоже, что старший лейтенант сам не понял, как это произошло.

– Оружие верну только вашему непосредственному начальнику, – продолжая оставаться невозмутимо спокойным, заявил Дмитрий, – а сейчас я звоню дежурному по городу и сообщаю, что на меня на лестничной площадке напал вооруженный пистолетом «макаров» пьяный мужчина в полицейской форме. Этот человек назвался старшим лейтенантом Мошкановым-Уродом.

– Отдайте оружие, – попросил Карнаухов, распахнув перед Хворостининым свои корочки. – Этот человек наш оперативный сотрудник, и он при исполнении, а вы противодействовали...

– Я уже сказал, кому верну оружие, товарищ майор, – мельком глянул на удостоверение следователя Дмитрий, – и только после освидетельствования этого вашего опера на наличие алкоголя в крови.

Опять загорелась красная кнопка. А второй следователь медленно попятился к лестнице.

– Ты куда, Петров? – крикнул ему вслед Карнаухов.

– Разбирайтесь сами, меня здесь не было, – отмахнулся тот, – у меня законный выходной.

– Слышь, друг, – обратился к Дмитрию ставший багровым Мошканов, – давай как-то по-человечески решим. Признаю, что перегнул палку, но работа, сам понимаешь, нервная. Прямо из-за стола выдернули... Вот эти, – опер кивнул на следователя, – звонят, требуют, приказывают, будто я им что должен...

– Простите его, Дима, – попросила Даша, ей стало жалко незадачливого полицейского. – Я сама согласилась поехать и дать показания по событиям вчерашнего дня... Где была и что делала. И адвокат мой сейчас подъедет.

– Тогда и мне надо ехать, ведь Даша практически весь день была со мной... Если нужно алиби, то я могу подтвердить...

– В каком смысле была с вами? – растерялся следователь. – То есть вы хотите сказать...

– Конечно, хочу, – кивнул Дмитрий, – только показания я дам в присутствии адвоката.

– Простите, а как насчет пистолета? – напомнил о себе оперативник.

– Угомонись, – посоветовал ему Хворостинин, – получишь от своего начальника, который в присутствии сотрудника управления собственной безопасности проверит по журналу в оружейной комнате и выяснит, кто тебе, пьяному, выдал оружие.

В сумочке Даши зазвенел мобильный.

– Адвокат, наверное, – решила она.

Но звонила Лиля.

– Приветик! А я маме рассказала, что мы подружились, и она хочет пригласить тебя сегодня к нам на обед.

– Спасибо, но, извините меня, я, наверное, не смогу. Меня задержала полиция... Пришли с утра домой...

– Что случилось? Почему? – всполошилась Лиля.

Даша со вздохом объяснила:

– Дело в том, что вчера вечером убили Владислава Петровича...

Сказала это и поняла, что зря: ведь Лиля влюблена в Копатько и ждет от него ребенка...

– Лилечка... – тихо позвала она и услышала тишину в трубке, а потом донесся сдавленный слезами шепот:

– Этого не может быть... зачем ты...

И пошли гудки.

Даша стиснула зубы, придется еще и Лиле доказывать, что она никого не убивала.

– Поехали, – сказала она Карнаухову. – Моей подруге плохо от ваших новостей. Я должна поскорее вернуться и поддержать ее.

Даша решительно нажала на кнопку вызова лифта.

– А-а? – хотел что-то произнести Мошканов, который мялся рядом с Хворостининым.

– Ты поедешь в моей машине, – сказал ему Дмитрий.

После чего протянул Даше букет орхидей, шагнул на ступеньки лестницы и посмотрел на теряющего краску опера.

– Спускайся следом, старлей.

Дашу усадили на заднее сиденье «Волги» с бортовой надписью: «Следственный комитет». Карнаухов расположился на переднем пассажирском. Следователя Петрова нигде не было, но дожидаться его не стали. Участковый тоже пропал куда-то.

– Давай в РУВД, – приказал водителю майор.

Машина выехала со двора. Следом шла серая «Нива» Хворостинина, в которой рядом с водителем томился теряющий силы старший уполномоченный уголовного розыска старший лейтенант Мошканов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ekaterina-ostrovskaya/ispoved-bez-proscheniya-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)